

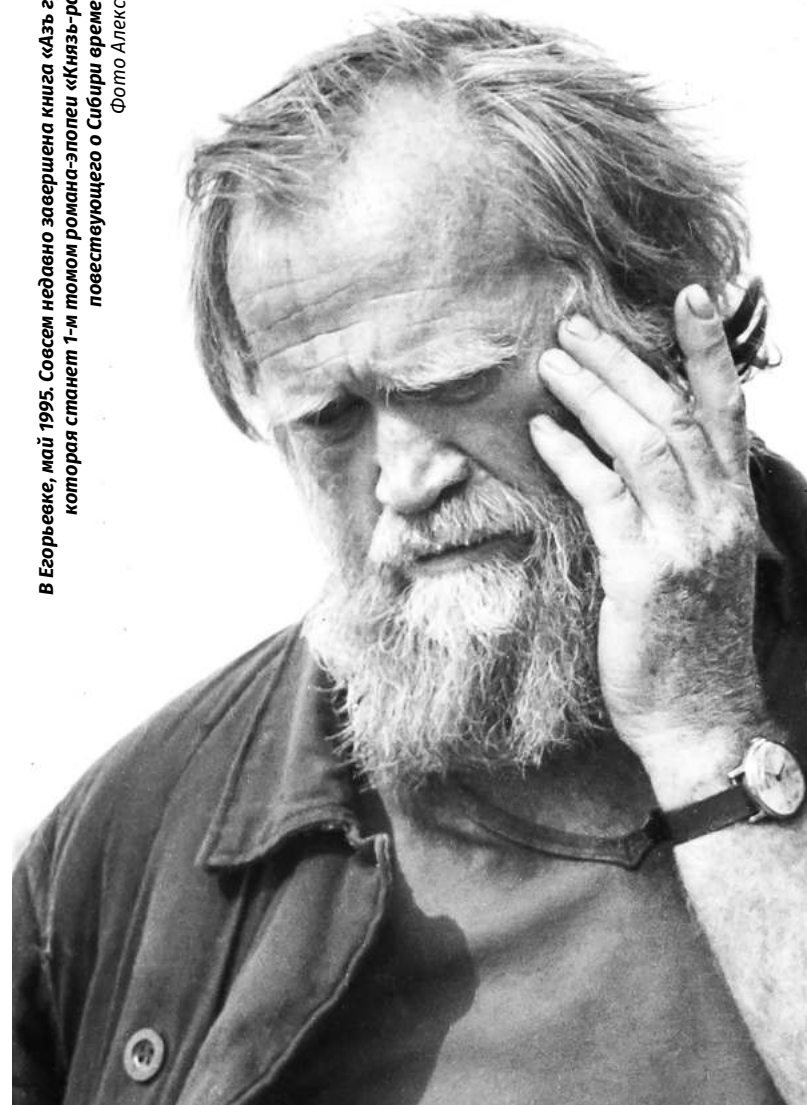
Александр Родионов написал двухтомный роман «Князь-раб», он вышел в 2007 году. Спустя десять лет Алексей Иванов сделал по нему ремейк «Тобол» без ссылки на первоисточник. Родионов пробил дорогу в скале, Иванов прошел следом

текст **Лариса Вигандт**

Некоторое время назад на слуху был роман «Тобол» Алексея Иванова. Он вышел в 2017 году. В книжном магазине на тыльной стороне обложки читаю: «В эпоху великих реформ Петра I «Россия молодая» закипела даже в дремучей Сибири. Нарождающаяся империя крушила в тайге воеводское средневековье. Народы и веры перемешались. Пленные шведы, бухарские купцы, офицеры и чиновники, каторжники, инородцы, летописцы и зодчие, китайские контрабандисты, беглые раскольники, шаманы, православные миссионеры и воинственные степняки джунгары. <...> Российские полки идут за золотом в далекий азиатский город Яркенд — но одолеют ли они пространство степей и сопротивление джунгарских полчищ? Всемогущий сибирский губернатор оказывается в лапах государя, которому надо решить, что важнее: своя гордыня или интерес державы?»

Чем не анонс книги Александра Михайловича Родионова «Князь-раб»? Двухтомник вышел в 2007 году в новосибирском издательстве «Сова». На корочке второго тома автор сообщает: «Эпоха Петра I и Сибирь — область малохоженная. Вот и осваивал я эту необжитую пустошь, а что взрастил на ней, об этом пусть судит читатель, входя в князь-рабью судьбу первого губернатора Сибири Матвея Гагарина». Аннотация на обороте титульного листа такова: «Изучая историю колыбели русской цивилизации на Алтае, — а это Колыванский медеплавильный завод, устроенный туляком Акинфием Демидовым в первой трети XVIII века, — невозможно миновать предысторию обретения золота на просторах Сибири. А она берет свое начало с великой петровской авантюры — добычи драгоценного металла во владениях джунгарского хана на реке Эркет. В романе действуют реальные герои: подполковник Бухольц,

В Егорьевке, май 1995. Совсем недавно завершена книга «Азь зрешный», которая станет 1-м томом романа-эпопеи «Князь-раб» (2007), повествующего о Сибири времен Петра I.
Фото Алексея Лукина

князь Бекович-Черкасский и первый губернатор Сибири князь Гагарин. Однако, владея архивными данными из «Портфеля Миллера», автор не стремился скрупулезно точно следовать хронологии событий — его интересуют в большей степени люди, их устремления, страсти и поступки».

Мне хотелось сравнить взгляды писателей на один и тот же исторический период, и я купила первый том «Тобола». Почитала. Не поверила глазам своим. Пошла за вторым.

Сквозь строчки «Тобола» настойчиво пробивается роман Родионова: главные сцены, основные мотивы, редкие родионовские словечки. Когда дело доходит до эпизода с собакой, рассеченной саблей, сомнений не остается: Иванов использует в «Тоболе» текст романа «Князь-раб» Родионова. Не впрямую, конечно. Хитро использует.

Предлагаю сравнить фрагменты.

Александр Родионов. Эпизод: белый калмык Чаптын присягает на верность белому царю через шертовальный обряд (шерть — честь. — Л. В.).

«Чаптын покорно стал на колени.

Собачонка предсмертно взвизгнула и, разделенная сабельным ударом надвое, мгновенно испустила дух. Кровью собачьей Чаптын помазал себе лоб и щеки, повторяя за толмачом слова клятвы. Плотная толпа томского служилого народа окружала его, склоненного над расположенной дворянкой, и голову он поднял только тогда, когда ему сказали, что свою шерть он будет завершать на золоте» [т. 2, с. 64].

Алексей Иванов. Эпизод: швед Ренат присягает на верность джунгару Цэрэн Дондобу.

«— Ты сделаешь шахан на моей сабле, — сообщил Онхудай.

— Что это такое? — мрачно спросил Ренат. — Клятва.

Ренат опустил глаза.

Прислужник вернулся с собакой на веревке. Он поставил собаку рядом с Ренатом и отступил, не выпуская веревки...

Ренат взял саблю из рук зайсана и поцеловал клинок.

— Теперь разруби собаку пополам. Это шахан, слово с кровью...

Ренат отступил на шаг и поднял саблю для удара» [т. 2, с. 220].

Поставим вопрос так: что нового узнает читатель об эпохе Петра I в Сибири, прочитав книгу «Тобол» Иванова после романа «Князь-раб» Родионова? Ответ: ни-че-го. Главная интрига — задумал Гагарин отложение Сибири от России или нет, а также все сюжетные линии романа «Князь-раб» повторяются в «Тоболе». Вот они. Противостояние Петра I и первого губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина. Движение русских на восток, в Азию, взаимодействие с кочевниками на порубежье. Российско-

Роман-эпопея «Князь-раб» издан в 2007 году

китайские отношения. Походы Бухольца и Бековича в Малую Бухарию за песошным золотом. Возведение сибирских крепостей. Старообрядцы в Сибири. Тобольское священство. Крещение инородцев. Пленные шведы

«...и тут холодные темные глаза Чередова натолкнулись на взгляд пронзительный...»

Рисунок Юрия Иванова к книге «Азъ грешный»

в Тобольске. Ссылные мазепенцы. Бугрование, охота за могильным золотом. Рудознатцы.

Кроме того, «Тобол» заимствует стержневые сюжетобразующие сцены романа «Князь-раб». Они легко вычлениаются хотя бы потому, что Родионов публиковал их отдельными отрывками в различных местных и центральных газетах, начиная с 1992 года. Перечислю некоторые из них: «Вошествие князя Гагарина в Тобольский кремль», «Посольство Ивана Чередова», «Митрополит Иоанн Тобольский», «Демидовы», «Сергуня Толпыга», «Китайское посольство», «Осада отряда Бухольца на Ямыш-озере джунгарами», «Димитриевская суббота», «Хивинский поход», «Частокол князя Гагарина (об основании крепостей в Сибири XVIII века)», «Пётр I пытается князя Гагарина», «Суд над князем Гагариным», «Казнь Гагарина» и др.

«... — Ни один воевода сибирский, допрежь тебя, не докладывал мне о бухарском золоте, — удивился Пётр»
Рисунок Юрия Иванова к книге «Азь грешный»

Один из лучших эпизодов в романе Родионова — «Гагарин вошел в Тобольский кремль» [т. 1, с. 181]. Массовая сцена красочна и подробна. «Когда же, наконец, по умоственному булыгами взвозу зацокали копыта четверки лошадей и коляска губернатора взлетела на перегиб дороги, вставать было поздно. Сергуня так и остался сидеть, подвернув увечную ногу» [т. 1, с. 180]. Князь выйдет из кареты, подойдет к казаку, поговорит, одарит рублевиком, потом и второй даст за то, что помнит Сергуню княжеского родителя. «Одарив ничего вдругорядь, Гагарин обернулся к слугам и махнул рукой: "Сыпь!" По княжескому мановению два рослых рынды, стоявшие на запятках кареты, стали метать в толпу нарочито припасенную медь. Как только посыпались губернаторские милости на твердь Троицкого мыса, как только согнулись в судорожном полконе тоболяки и площадь у взвоза стала походить на крупнобулыжное покрытие дороги, так по чьему-то знаку ахнули в кремле все колокола разом» [т. 1, с. 181].

Сцену вхождения Гагарина в Тобольский кремль описывает и Иванов. Она тоже многолюдна, но в интерпретации автора «Тобола» выглядит иначе: народ взваливает карету вместе с князем на плечи и прет в гору. «Взлетающий подъем Прямского взвоза был вызовом народу...» [т. 1, с. 94]. Сопоставление сцен на тобольском Троицком мысе и эпизодов с собакой явно обнажает прием, используемый Ивановым при переработке текста. Назовем его условно: «с ног на голову» или «шиворот-навыворот», «все наоборот». Если у Родионова Гагарин спускается к увечному казаку, читай народу, то у Иванова напротив — народ возносит Гагарина. Сцена у Тобольского кремля довольно распространена, она состоит из множества «клеим», формирующих общую панораму. Так, в «Князе-рабе» Сергуня Толпыга дивуется на княжескую карету. Никогда раньше не видел он колес, сияющих «неподдельным тусклым серебром» [т. 1, с. 180]. В «Тоболе» в тот же пазл со значением «герой удивляется чему-то ранее никогда не виданному» вписывается другой герой и иной предмет восхищения. У Иванова каретой Гагарина восторгается картограф, летописец, зодчий и архитектор Семён Ремезов. «Ремезов в это время смотрел, как с полубарка по сходням работники скатывают карету Гагарина. Таких карет Тобольск еще не видывал.

— Ох, резьба какая хитрая... — восхитился Семён Ремезов» [т. 1, с. 92].

Что же получается? Родионов создает картины, эпизоды, подает идеи, а Иванов предлагает их возможные варианты? Именно так. И прием «с ног на голову» весьма помогает видоизменить первичный текст. Авторские комментарии Родионова Иванов разбивает на реплики и раздает героям. В «Тоболе» чаще всего за Родионова говорит Семён Ремезов, а порой Пётр I. И наоборот: то, что у Родионова идет в диалогах, Иванов записывает сплошным текстом. Сцены, придуманные Родионовым, Иванов использует как схемы,

вводя в них других героев и иные детали. Однако зачастую семантика фрагментов остается первоначальной, то есть той, что задана в романе «Князь-раб». Сравним.

Эпизод подношения могильного золота Петру I.

Родионов. «Но — делать нечего. Пётр Петрович родился, и царь праздновал. Праздновали все, кто хотел и кто не хотел. Демидовы тоже засобирались в Санкт-Петербург поздравить царя и царицу. С пустыми руками поздравлять венценосного папашу никто не ходил. Проворный Акинфий загодя обо всем позаботился. Приказал пленному шведу, лучшему в своих владениях столяру, изготовить небольшой плоский ящик и обить его внутри мягкой тканью. Когда Акинфий в замоскворечном доме отца щегольски отбросил легкую, золотистого дерева крышку, даже выдавший виды Никита Демидыч ахнул!

На синем бархате мерцало золото. <...>

В Петербурге царь, едва увидев золотые вещи, завращал глазами, зыряка то на Демидовых, то на Якова Брюса, то на Матвея Петровича Гагарина, который старался заглянуть в ящик из-за плеча генерал-фельдцейхмейстера. Гагарину царь бросил не оглядываясь:

— Чай, сговорились, князь, с Демидычем?

Сходно, весьма сходно с твоим презентом.

Никита Демидыч и Гагарин переглянулись: о чем сговорились? Никита и Акинфий не знали о том, что губернатор сибирский уже сделал свое подношение царю, и это тоже было могильное золото, доставленное в Тобольск Чередовым. А Пётр принялся расспрашивать, где и у кого куплены эти фигуры оленей, барсов чудовищных, впрямь курioзных животин с телом ящерицы и головой льва...» [т. 1, с. 387-388].

Иванов. «Пётр взорвался бы, но тут вовремя вернулся Матвей Петрович. Он нес ларец Касыма. В Тобольске Матвей Петрович и не думал отдавать золото курганов царю, однако сейчас надо было спасти непутевого Лёшку. Матвей Петрович с поклоном поставил ларец на низенький столик возле Петра.

— Вот привез тебе забаву из Сибири, — скромно сказал Гагарин.

Пётр пренебрежительно откинул крышку ларца пальцем и выпрямился.

— Ох ты! — изумленно сказал он.

Он сунул ручищу в ларец и вытащил в горсти три золотые бляхи.

— Откуда сии курioзы?

— Из курганов по Тоболу.

<...> Пётр высыпал на стол содержимое ларца и склонился над золотом, рассматривая его через лупу.

— Тигр, а это олень, а это волк грызет коня... — бормотал Пётр» [т. 1, с. 149-150].

Более пристальный взгляд выявляет фразы-антонимы в текстах: щегольски отбросил крышку/пренебрежительно откинул крышку.

Родионов впервые опубликует сцену подношения могильного золота Петру Демидовыми в 1986 году в книге «Кольвань камнерезная». В дополненном виде она войдет в первую книгу романа «Князь-раб» —

«Азъ грешный», и сначала будет напечатана в литературном журнале «Алтай» (1994). В 2000-м появится книга «Азъ грешный», в 2001-м — ее переиздание. В 2005-м окончена рукопись второго тома, в 2007-м выходит в свет двухтомник «Князь-раб». Родионов начинает сибирскую эпопею сорокалетним человеком, завершает в 60. Сравните «вехи» Иванова: 2016 — «Вилы», 2016 — «Тобол. Много званых», 2017 — «Тобол. Мало избранных», 2017 — «Дебри». В двух томах Иванова 1500 страниц. Реально ли написать всеохватный исторический роман за два года? Обратимся к опыту создания классических эпических романов в русской литературе. Лев Толстой — гений! — пишет «Войну и мир» семь лет. Алексей Толстой создает роман «Пётр Первый» с 1929 года и до 1943-го, в 1945-м Алексей Николаевич умирает, произведение остается незавершенным. Василий Гроссман работает над романом «Жизнь и судьба» с 1950 по 1959 год. А Алексей Иванов между делом успевает еще и киносценарий написать, причем раньше, чем книги. Как это возможно? Фильм «Тобол» вышел на экраны в 2019 году. Иванов снял из титров свое имя, ссылаясь на то, что кинематографисты исказили его замысел. Фильм (пришлось и его посмотреть) к истории Сибири не имеет никакого отношения. Это приключенческое кино, в котором, как и положено, «наши победили». Из первоисточника на экран попала все та же несчастная собака, казненная саблей.

Продолжим сопоставление.

Эпизод с сыном Гагарина — Алексеем.

Родионов. «— Упал Алёшенька наш предомной на колени, плачет, крестится, божится, а сам промеж этого твердит: не хочу на жидовке жениться, не стерплю такого — руки наложу!»

— Ах, вон вы до чего доворковались? — взревел Гагарин и затопал на жену. — Я перво-наперво Алёшеньку наследства лишу, а тебя, паскуда, за потаканье дитятке в монастырь упеку. Я тебе в Сибири такой подберу монастырь, что тебя оттуль патриаршим собором не вызволят» [т. 1, с. 91].

Иванов. «Пётр повалился обратно в кресло, закинул нога на ногу и нервно качал носком башмака. Алексей Гагарин по-прежнему стоял, будто на суде.

— Может, женить его, мать? — спросил Пётр у Евдокии Степановны. О чем еще ему с бабай-то говорить? — Женатый образумится.

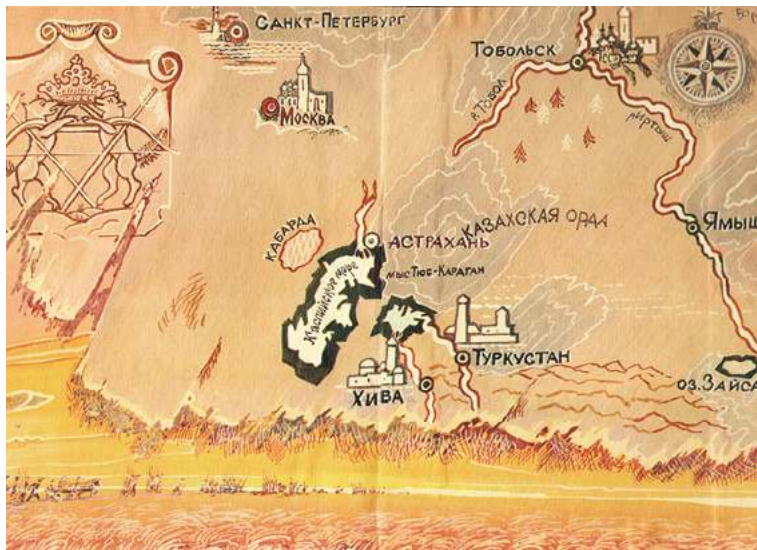
— Добро бы, государь! — слезливо обрадовалась Евдокия Степановна.

— У Петьки Шафирова баронеска на выда-нье.

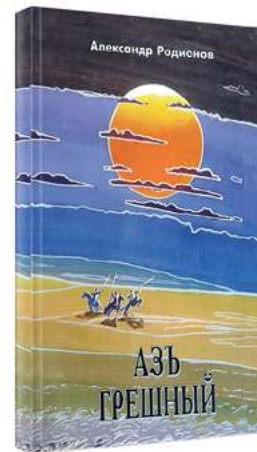
— Не хочу на жидовке, — глухо пробурчал Лёшка.

Лицо у Петра пошло багровыми пятнами» [т. 1, с. 149].

Также по принципу «поперек, наизворот» создаются в «Тоболе» портреты действующих лиц, меняются их отношения. Рисуя внешность князя Гагарина, Родионов берет в качестве «модели» облик писателя Евгения Гущина. Родионовский Гагарин

Форзац книги «Азь грешный». 2000

Книга
«Тобол. Мало избранных»
издана в 2017 году

«кряжистый, прочно ступающий по весенней грязи» [т. 1, с. 36] с «грузной, укороченной париком спиной» [т. 1, с. 137] станет у Иванова «рослым грузным Гагариным», который «возвышался над толпой на полголовы» [т. 1, с. 48]. Доверительные отношения князя Гагарина и митрополита Иоанна Иванов трансформирует в «нелюбовь». **У Родионова:** «Некому поведать всей моей ночной горечи! — сжимал зубы Гагарин. — Некому! А как ласково и утешительно повторял мне в тобольские дни Иоанн Максимович: "Яко же облак дождем истек обелеет, так и печаль избеседована лицо обелит..."» [т. 2, с. 143]. **У Иванова:** «Матвей Петрович сразу уловил напряженную злость владыки, удивился — и даже обрадовался, но не подал вида... Это крючок, на котором он, губернатор, может держать владыку. Зачем ему нужно подцепить Иоанна, Матвей Петрович еще не знал, но крючок всегда пригодится. Князь Гагарин был опытным царедворцем» [т. 1, с. 171-172].

Что сказать? Иванов «творчески» работает с материалом.

Подвергается перелицовке и сама идея, общий настрой произведения Родионова. Атмосфера «Тобола» контрастирует настроению «Князя-раба». Сибирь, хоть и каторжная, и ссыльная, и варначная, и «крапивным семенем» одолеваемая, да только поверх всего трудного, горького пишет Родионов свет и крепь этой великой земли. Недвусмысленно проявляют отношение Родионова к Сибири и ее первому губернатору его исторические очерки «Все начиналось с Албазина» и «Тобол — сибирская твердь Гагарина», которые создавались во время работы над романом и сразу после. В понимании Родионова народ сибирский — это особый народ, нет вернее в деле людей, чем сибиряки.

Роман Родионова можно назвать «целомудренным». Его страницы освящены золотым светом любви. Хотя писатель почти ничего не пишет о самом чувстве. Оно содержится втайне, в душе, и призывно мреет где-то вдали,

на горизонте — в тех краях, где остались старая вера, добротный дом, дети и златовласая жена за ткацким станком. Родионовские бывальцы, давно женатые мужики, живут ожиданием счастливой встречи, которая отложена ради долгой дороги, ради честной работы во имя отечества, ради большого открытия, которое будет нести пользу государству российскому в последующие века. Золотой солнечный свет Родионова превращается у Иванова в серую промозглость. Автор «Тобола» обозначает жанр своего произведения как «роман-пеллум». Книга начинается с того, что пьяный Пётр пинает мертвого Гагарина, в третьей главе русские мужики грабят остячок, в пятой — русский Юрка насилует остячку Айкони... Темно и смертельно в такой Сибири.

Великая рать героев Родионова (700) действует и у Иванова. С той разницей, что фигуры второго плана в «Тоболе» меняют имена, то есть становятся вымышленными. У Родионова и просточадцы — это реальные люди, их имена и пунктиры судеб взяты из архивных документов.

Совсем не удалась Иванову рудознатная тема. Главный герой Родионова рудоприщик Степан Костылев (историческое лицо) «аукается» в «Тоболе» Андрюхой Костылёвым, копальщиком курганов, получившим по темени от калмыков. Ни Феди Комара, ни Михайлы Волкова, реальных разведчиков руды и угля, в «Тоболе» нет. Есть некто Ерофей Быков по прозвищу Колоброд, про которого автор пишет: «Рыл серебряные жилы на Колывани» [Иванов А., т. 1, с. 29]. Можно рыть на Колыме, а если иметь дело с Колыванью, то данной синтаксической конструкцией управляет предлог «в». Кроме того, не мог Ерофей, который помещен автором в 1711 год, рыть серебряные жилы в Колывани. Еще не открыта рудная провинция в этих местах. Это сделают Степан Костылев и Федя Комар в 1718 году. А село Колывань будет основано и вовсе в 1727-м. Даже крохи рудознатной темы даются Иванову

с ошибками. Автор «Тобола» неудачно использует и геологические термины. В частности, «пустой породой» он называет землю разграбленного кургана, в которой не оказалось золотых фигурок. После Родионова, геолога в первом воплощении, сделать из рудознатной темы «перевертыш» невозможно.

Не чихал Алексей Иванов архивной пылью, не сиживал в Российском государственном архиве древних актов над бумагами из «Портфеля Миллера». Произведение его не первично, замысел не самостоятелен. Родионов пробил дорогу в скале, а Иванов проскакал по ней задом наперед. По хорошей наезженной дороге чего ж не идти — хоть вприпрыжку, хоть галопом, хоть кувырком. Расчет Иванова был верным: кто там читал роман провинциального писателя? Тираж «Князя-раба» мизерный. До Москвы не дошел. Текста в сети нет. Книга забыта, писатель в масштабах страны неизвестен.

*«...Две незримых стены — воля божья и воля человеческая — сжимали
Иоанна. И смутно было в небе...»*

Рисунок Юрия Иванова к книге «Азь грешный»

19 ноября 2018 года состоялся библиофест с Алексеем Ивановым. Сценарист, культуролог и один из самых известных российских писателей, автор романов «Географ глобус пропил», «Общага-на-Крови», «Тобол» и других, так о нем говорилось в анонсах, мог в режиме онлайн общаться с читателями Сургута, Орска, Челябинска, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Ростова-на-Дону, Волгодонска, Майкопа, Владимира, Омской, Свердловской и Кировской областей, Алтайского края, Экибастуза (Казахстан), Нетании (Израиль) и других городов и регионов. И оказалось, как ни узок читательский круг, да достаточен для того, чтобы адресовать известному писателю острые вопросы. Алексей Викторович отвечал: да, он использует в своих книгах краеведческую литературу, она, де, кладезь. Фамилий писателей Иванов не называл. Но коль скоро в «Тоболе» просвечивает текст Родионова, то хочется расставить точки над *i*. 1. Роман Родионова «Князь-раб», бесспорно, кладезь. 2. Это художественная литература. 3. Произведение получило положительную оценку критиков, в том числе известного писателя, литературоведа Валентина Яковлевича Курбатова. Рецензии напечатаны в российских газетах. Роман «Князь-раб» отмечен Всероссийской литературной премией имени Александра Невского (2007). Родионов первым создал роман-эпопею о Сибири времен Петра I.

А Иванов сделал ремейк. В наше время подобных переделок пруд пруди, особенно в кинематографе. Однако авторы ремейков, как правило, называют предшественников. Иванов о предшественнике умолчал. Да и как обнародовать? Все-таки есть такое понятие как авторское право. А оно в подобных случаях обязывает заручиться разрешением автора или его наследников. Надо ли говорить, что поступок Иванова бесчестен? Тем более что Родионова на момент выхода «Тобола» нет в живых. Он не может защитить свой двадцатилетний труд.

«Тема может быть украдена», — прочитала я в дневнике Родионова, когда только подступалась к изучению его архивного фонда и творчества. Признаться, улыбнулась на странные опасения автора. Даже возразила мысленно: «Да ну, Александр Михайлович, придумываете. Зачем? Как? Кто?» Выходит, не зря тревожился Родионов. Человек жизнь знал. И пишущую братию, как облупленных!

За сибирского писателя Александра Михайловича Родионова мне обидно. Его «Князь-раб» достоин всероссийской известности. Но увы! Не повезло писателю с временами.

Алексей Иванов, лауреат премии правительства России в области культуры (2017), проходит в современной прессе как автор, впервые открывший тему Сибири в эпоху Петра I. Он получил Платоновскую премию с формулировкой «за открытие сокровенных тайн отечественной истории». Неправда это. Первооткрыватель — Родионов! ■